Прежде чем открыть дверь, Вера долго медлила.

Тяжесть тянула голову со сна. Маленький шаг вперед в сумраке коридора – под ногами скрипнули старые доски. Вера долго и молча смотрела на глухую деревянную дверь, и глазка не надо было, чтобы знать, кто стоит там, по другую сторону.

Стук повторился. Раз-два. Раз-два. Раз. В детстве они смеялись: будто бы кто-то хотел постучать три раза, но на последнем задумался и забыл.

Рука не сразу нашарила ручку. Вера открыла дверь.

Свет бьет в глаза. Рюкзак стоял у Пег в ногах: ждет давно. Не поправилась. Не постриглась. Не повзрослела. Улыбается так же – левый уголок губ поднимается выше правого. Вздернутый нос, родинка над бровью, глаза заставляют вспомнить о лошадях: глубокие, черные, влажные, и по форме как миндаль.

За спиной у нее, из-за леса, поднимается, дрожит солнце, и кажется, будто нимб ее запутался в гриве волос.

– Пустишь?

Голос. Она всегда говорит, будто смеясь. Даже если плачет. Вера сделала шаг в сторону, прижалась лопатками к стене. Обдало запахом свежести, автобуса Стокгольм – Кируна и жасминовыми духами. В узком коридоре кудрявая светлая грива задела лицо. Пелагея закрыла дверь, пихнула рюкзак ногой к стене, расшнуровала ботинки, бросила у порога. Выпрямилась, нашарила выключатель – счастливое красное лицо.

– Ну здравствуй, что ли, – выдохнула.

– Здравствуй, – тихо сказала Вера.

Она бы давно отреагировала, если бы знала, как. Пег, очевидно, в таких вещах ориентировалась лучше: порывисто обняла ее за плечи, заговорила. Как всегда, ни о чем, но бойко, со знанием дела. Вера молча нашарила под вешалкой носки, приняла пальто цвета еловой иголки, отодвинула в угол рюкзак. Мысли путались. Слишком много. В этом доме даже ее одной было немного больше, чем достаточно.

Сказуемое в горле долго согласовывалось с подлежащим.

– Ты проходи.

– Спасибо!

На кухне Пег натянула носки, подпрыгивая на одной ноге и все еще не умолкая. Вера осторожно прислонилась к столешнице.

– Как там?

Наверное, надо поставить чай… Повернувшись к сестре спиной, легче было слушать, что большой мир живет, и Москва стоит, и по телевизору все еще идут новости часа. Телевизор. Дикость. Приподнявшись на цыпочки, Вера долго, с минуту, смотрела на единственную кружку на полке.

– У меня, наверное, только одна...

– У меня своя! В рюкзаке! Сейчас!

Убежала. Вера устало перенесла тяжесть тела на пятки, потерла глаза ладонью. Пег, Пег. Москва. Она взяла в руки спичечный коробок, долго не могла зацепить пальцами спичку, потом никак не поддавался тугой клювик старой газовой плиты. Синий огонь конфорки развернулся ромашкой. Вера протянула ладони, пошевелила пальцами над теплом.

– Вот!

Стук кружки о деревянный стол – грохот. Не обернувшись, Вера потянулась за чаем, долго ссыпала сухие листья из пакета в белый заварочный чайник с отколотой ручкой. Уже потом спохватилась – сполоснуть кипятком. За спиной Пег отодвинула стул, царапнув по дощатому полу, села, согнув левую ногу в колене – оборачиваться не нужно, чтобы знать.

Где-то там, за дверью, солнце над морем сейчас совсем поднялось, и беспокойная гладь горит, как подожженная. Воздух полупрозрачен, чист и холодом дерет легкие. Нужно стоять там, чтобы носки ботинок почти касались воды, и чувствовать, как по лицу и рукам проходит тепло.

Вера налила чай и села за стол. Пег обхватывает чашку руками – костяшки красные от холода, а пальцы все те же – невероятно красивые, длинные, худые пальцы скульптора. Молчит. Надела вязаный свитер – чтобы соответствовать обстановке. Все, что ли, думают, что на Севере люди, кроме как в свитерах, ни в чем не ходят? Улыбка от уха до уха – самая ее главная черта после волос. Но в глазах что-то ломаное. Как будто старается улыбкой спрятать, что там, в этих глазах, что-то не так.

Откуда-то из-за плиты возникла Крона – склонила голову набок, дернула хвостом, но в Пелагее признала свою и, обогнув Верин стул, осторожно коснулась носом ее ноги. Пег, смеясь, наклонилась – ухнулась вниз, будто с трамплина прыгнула, окатила кошку волосами, едва не упала со стула – по-другому не может, только размахом, только сплеча. Вера застыла, не коснувшись губами чая, травяной запах ударился в нос.

– Зачем ты приехала?

Голос хриплый. Согнутой спине Пег сказать легче, чем в лицо. Прежде чем выпрямиться, Пег медлит. Наконец поднимает голову; волосы сыпятся на лицо. На какую-то секунду Вере становится страшно. Глаза у сестры совершенно бездонные; немые, стеклянные глаза.

– За помощью.

* * *

Вера жмурится. На десять лет назад ее отбрасывает разом, будто толчком в грудь. Маленькая комната на втором этаже, свет выключен, только закрытая дверь очерчена рамкой света из коридора. Электронные часы на тумбочке мигают красным огоньком. 23:14. Внизу кричат. Точнее, кричит: высоко, истерично, с захлебыванием. В этом крике, драматичном монологе, глубокая самоотдача, профессиональный театральный надрыв. Вера сидит на диване, сложив руки чашечкой, и смотрит в темноту. Ловит интонации. Хочется встать и пройтись по комнате быстрым шагом, переставить что-нибудь на тумбочке, в общем, делать что-нибудь определенное, но Вера просто сидит, и когда на лестнице раздаются быстрые, спотыкающиеся шаги, она сидит до последнего, до тех пор, пока не распахивается дверь. В этот момент Вера бросается вперед и ловит в руки горячий, мечущийся комок.

– Мышка!

– Не тронь ее!

– А-а, прибежала! Прибежала опять!

Мать стоит на пороге, худая, высокая, и ее черная фигура будто светится из-за света в коридоре. Вера что есть силы прижимает к себе сестру. Лицо и руки у Пег мокрые от слез, лоб горячий, как в лихорадке. Вера чувствует ладонью ее острое худое плечо.

– Прибежала!.. Прибежала-таки!.. Защитница!.. – Мать стоит, опустив руки, и Вере не видно выражения ее лица, но она знает его до деталей. Кривая, кривая улыбка. Глубокая, глубокая обида. Играет мама хорошо – даже когда не стоит на сцене. – Ну что, все, спасла. Спасла от обидчицы! От собственной матери спасла, а, Вера?

– Хватит, мама, – говорит Вера очень тихо.

Мать смеется. Захлопывает дверь. Уходит. Плечи Пег трясутся от слез.

* * *

– Помочь?

Крона ластится о ноги, хвост трубой. Чтобы не смотреть на Пег, Вера встает и отходит к окну. Солнце совсем встало, и смотреть на ровнехонький искрящийся снег больно, будто режут по глазам.

– Помочь.

Вера не уверена, говорит она это вслух или просто фиксирует мысль; одиночество отучило ее придавать этому значение. Двойная рама оконного стекла запотела в уголке.

– Ты приехала ко мне за помощью. – В голове крутится одно то же.

– Мышка!..

– Я не Мышка! – Голос выходит с предательской истеричной интонацией, Вера прижимает ладонь ко рту, сзади скрипит стул, она чувствует, что вот-вот рука с тонкими пальцами тронет ее за плечо, и кричит еще громче: – Уходи!

И потом, не поворачиваясь, еще раз:

– Уходи!

Вера думает сначала, что Пег бросится к ней, начнет говорить что-то, так, как всегда говорит, когда волнуется, быстро, перескакивая через слово, но этого не происходит. Отодвигается стул. Шаг, шаг, шуршание в коридоре, скрип двери.

Тишина.

Часы тикают очень громко. Вера медленно подставляет стулья к столу: один, другой. Берет кружки, несет к раковине. Вода в большую алюминиевую кастрюлю наливается по самый край. Вера опускает руки в воду – запястья ломит от холода – и трет у кружки ободок, не взяв в руки губку.

* * *

– По-моему, я очень красивая.

– Ты самая красивая. – Вера улыбается и осторожно разделяет расческой кудрявые пряди сестры.

Пелагея смотрит на себя в зеркало с удовлетворением, приподняв подбородок; на ней простого кроя зеленое платье с длинным рукавом и малахитовое Веркино ожерелье. Пег вытягивает шею так, чтобы было видно ямочку на ключице, и улыбается с торжеством.

– Говорят, если глубокая ямочка на ключице, будешь счастлива в любви, – говорит она.

Вера улыбается, откладывает расческу. Волосы Пег густые, тяжелые, косы плетутся легко.

– Ну конечно.

Пелагея задирает голову, чтобы видеть ее лицо.

– А у тебя есть ямочка на ключице?

– Не вертись, – командует Вера. – Ты хочешь кривые?

Пег опускает голову, но продолжает смотреть на Веру в зеркало.

– Так есть или нет?

Вера целует сестру в пряно пахнущую шампунем макушку.

– Зачем мне ямочка, если у меня есть ты?

Пелагея смеется и смотрит на свое отражение. Вера тоже смеется.

– Верка, ты будешь в нашем доме жить на первом или на втором этаже?

Чистые волосы струятся сквозь пальцы.

– А мы с тобой будем жить в одном доме? – интересуется Вера.

– Ну конечно! – Пег резко поворачивается к ней на стуле, Вере с трудом удается не выпустить из рук почти законченную косу. – На Севере. Ну на Севере же, Верка?

Вера опускает глаза. Улыбается. Движением руки поворачивает сестру лицом к зеркалу.

– Как же ты будешь тогда счастлива в любви, моя дорогая?

Пег хватает ртом воздух, как всегда, когда мгновенно, с запалом выстреливает ответ, но не говорит ничего. Думает. Вера смеется и кладет подбородок ей на макушку.

– Нужно будет обязательно предупредить твоего будущего мужа, что наличие меня – непременное условие брачного контракта.

Пег хихикает и гладит пальцами бусины ожерелья.

* * *

Не закрыла за собой дверь – в кухню тянет холодом. Никогда не закрывает за собой дверь. Вера выливает воду из кастрюли, вытирает столешницу, ставит свою кружку на стол, а вторую берет в руки и долго смотрит на нее. На Верином лице в этот момент не отображается ничего. Совершенно ничего. На белой кружке надпись IKEA и красные олени. Ну конечно.

Вера ставит кружку на стол и выходит в коридор. Не глядя тянет правую руку к крючку, надевает пуховик; пуховик пахнет деревом и чем-то горелым. Ноги туго влезают в валенки без калош. Вера переступает через порог и щурит глаза. Щеки схватывает морозом. Море так близко, что его слышно; тишина просвечивает глубинными вздохами волн. Волны дышат быстрее, чем Вера. Ветер схватывает волосы, бьет в лицо. Небо кажется прозрачным, будто цвет его стек в море, и море стало темно-сапфировым, белопенным. Вера стоит долго. Чайки чертят по бесцветному небу крыльями, подальше направо море бьется плечами о валуны. Вера закрывает глаза, чувствуя, как мороз режет щеки и пальцы, покрасневшие, как сваренные.

* * *

– Мама?

Воздух на кухне можно резать ножом. Табачный дым висит серым маревом, в легких сразу першит и хочется чем-то прикрыть нос. Мать стоит, при-

слонившись к столешнице бедром, красиво сложив руки; на фильтре ее сигареты – следы от помады.

– Мам? – повторяет Пелагея.

Мать переводит на нее взгляд и молчит. Стряхивает пепел на столешницу. Молчит.

Пег терпеливо ждет окончания паузы.

– Меня переводят в Москву, – бросает мать.

– В Москву? – охает Пелагея.

Мать кивает, не глядя на нее.

– Двухкомнатная квартира на Ленинградском. Две станции до кольца.

Внутри у Пег вспархивают большекрылые бабочки. Она прижимает ладони ко рту.

– Господи… Господи!.. А как же… – Пег всплескивает руками, улыбка от уха до уха загорается на лице. – В Москву!..

Мать улыбается. В улыбке не радость, но торжество. Пег не глядя садится на стул, охает, сияющие глаза беспокойно бегают по комнате.

– Москва, мама!.. Как же так вышло? Где ты будешь играть? Ленинградский, кажется, я помню… Божечки, в Москву, мы едем в Москву!..

– Значит, в Москву.

Пелагея оборачивается. Вера стоит в дверях, обутая, в куртке – только с работы. На плечах висят помятые провода наушников.

– Значит, тут едут в Москву? – спрашивает она еще раз без выражения на лице.

Пелагея мешается, откидывает со лба волосы:

– Подожди, это еще не решенное, конечно, но…

– Но за Пелагею обещали замолвить слово в архитектурном, – говорит мать, разглядывая горящий кончик сигареты.

Пег издает высокий восторженный звук.

– Мама!..

Вера наконец выходит из оцепенения. Уголок ее рта дергается.

– Поздравляю. Я буду слать вам письма.

Лицо у Пег испуганное, черты лица прыгают, двигаются невпопад, но скрыть неуверенную, смущенную улыбку у нее не хватает сил.

Мать улыбается уголком рта и тушит бычок в раковине.

– Нужно купить тебе большой чемодан, – говорит она, выходя.

Вера медлит целую секунду, прежде чем пропустить ее в дверном проеме.

* * *

Входя в подъезд, Пег останавливается, откидывает назад голову и шумно дышит. Волосы около лба и висков насквозь мокрые от пота, веснушчатое лицо лоснится. Тяжелая металлическая дверь медленно закрывается за спиной. Сумрачно, только сквозь заляпанное пыльное окно с давно мертвым цветком на подоконнике льется жидкий свет. Пег прижимает к груди книги, закрывает глаза и немножко стоит. Столичное метро в жару – наказание. Потом она вытирает лицо тыльной стороной ладони, раздраженно откидывает тяжелые жаркие волосы назад, пока роется в карманах и сумке в поисках ключей. Уже шагая в отрытые двери лифта, Пег кривит губы и возвращается к почтовым ящикам. Маленький ключик делает в замочной скважине один поворот. Пег вытаскивает ворох рекламы, конверт с платежкой за июнь; платежку она вытягивает зубами – руки заняты книгами – и уже почти выбрасывает рекламу в стоящую рядом картонную коробку, как чувствует пальцами в ворохе что-то плотное. Книги приходится положить на ящики сверху, Пег перебирает рекламу, пока не натыкается на письмо.

Простой белый конверт. Ровным, круглым почерком написаны ее имя и адрес. Незнакомая иностранная марка. В левом верхнем углу, вместо имени отправителя, синей ручкой нарисована маленькая мышка.

Снаружи, за дверью подъезда, июньское солнце садится за столичные многоэтажки.